

Экономическая политика

ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ: ПИКЕТТИ ПРОТИВ КУЗНЕЦА — 60 ЛЕТ СПУСТЯ

Иван ЛЮБИМОВ^а

^а PhD in economics, старший научный сотрудник лаборатории исследований проблем экономического роста Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (119571, Москва, просп. Вернадского, д. 84). E-mail: lubimov@ranepa.ru

Ойковоща • Политика

OIKONOMIA • POLITIKA

Т е о р и я

Введение

Изучение эволюции неравенства доходов и капитала важно не только из-за необходимости контроля за уровнем бедности, но и по причине вероятного влияния неравенства на темпы экономического роста.

Долгое время экономисты полагали, что для решения проблемы неравенства и бедности достаточно одного лишь экономического роста. Например, Саймон Кузнец [Kuznets, 1955], о работе которого речь пойдет ниже, предположил, что устойчивый рост экономики в конечном счете приведет к уменьшению уровня неравенства. Похожие представления о связи неравенства и экономического роста продолжительное время доминировали и в международных финансовых институтах, Всемирном банке и Международном валютном фонде. В последних ускорение экономического роста считалось достаточной мерой для улучшения положения всех групп населения.

Однако более поздние исследования (например: [Rodrik, 2007. P. 17]) говорят о том, что одного лишь экономического роста может оказаться недостаточно для решения проблемы снижения

Аннотация

В статье проводится сравнение двух трактовок эволюции неравенства, одна из которых была представлена Саймоном Кузнецом в 1955 году, а другая — Томасом Пикетти в 2014 году. Если Кузнец полагал, что неравенство уменьшается, когда экономика становится сравнительно богатой, и, таким образом, одного лишь экономического роста достаточно, чтобы и увеличить уровень доходов в экономике, и снизить уровень неравенства доходов, то Пикетти показывает, что неравенство становится со временем всё больше и необходимы скоординированные усилия властей разных стран для его уменьшения. В настоящей статье делается попытка использовать некоторые результаты работ Кузнецца и Пикетти для анализа современной ситуации с неравенством доходов в России.

Ключевые слова: неравенство доходов, экономический рост, трудовой доход, рента, топ-менеджмент.

JEL: D63, I24, O47.

уровня неравенства и сокращения бедности. Политику экономического роста необходимо дополнить перераспределительными мерами, чтобы результаты роста экономики были распределены между разными группами населения более равномерно. В некоторых исследованиях утверждается, что результатом роста уровня неравенства может стать снижение темпов экономического роста [Rajan, Zingales, 2004]. Такой результат может быть следствием ограниченных возможностей для накопления человеческого капитала среди сравнительно бедных групп населения, из-за чего темпы роста экономики остаются сравнительно невысокими. В этой работе, однако, не будет рассматриваться упомянутый выше механизм, а также другие традиционные каналы влияния неравенства на экономический рост, такие, например, как воздействие уровня неравенства доходов на политическую стабильность и далее на размер инвестиций или влияние неравенства на уровень рождаемости и затем на темпы роста, поскольку этим механизмам уделено в литературе достаточное внимание. Значительная часть статьи посвящена книге Томаса Пикетти, в которой, в противоположность прогнозам Саймона Кузнецца, автор обращает внимание на факт повышения уровня неравенства доходов в последние десятилетия, а также на опасность замедления экономического развития, которое может стать результатом роста неравенства, связанного прежде всего с возрастанием экономического и политического влияния наиболее богатых граждан.

Работа состоит из трех разделов. В первом рассматривается публикация Саймона Кузнецца 1955 года в *American Economic Review*, а также дается описание того, как менялась реакция на эту статью в научном сообществе с течением времени. Во втором разделе представлена работа Томаса Пикетти 2014 года, в которой, в частности, подвергается критике статья Кузнецца. В третьем разделе делается попытка использовать результаты этих работ для краткого анализа ситуации с неравенством доходов в России.

1. Теория Саймона Кузнецца, ее тестирование и критика

Основные идеи

В своей статье, опубликованной в 1955 году в *American Economic Review*, Саймон Кузнец поставил вопрос о влиянии экономического роста на неравенство доходов [Kuznets, 1955].

Кузнец собрал данные о неравенстве доходов и экономическом росте в трех развитых государствах: Соединенных Штатах Америки, Великобритании и Германии. Ряды данных, полученные автором, охватывали всего несколько десятилетий, преимущественно первой половины XX века.

Опираясь на собранные данные, Кузнец описывает эволюцию неравенства и экономического роста в этих трех экономиках. Автор приходит к выводу, что за период с начала Первой мировой войны

неравенство доходов уменьшалось во всех трех странах, хотя и с разной скоростью. В результате доля бедных групп населения в национальном доходе стала выше, в то время как доля богатых, напротив, уменьшилась.

Кроме того, Кузнец отмечает рост подушевого ВВП в трех рассматриваемых им экономиках в течение исследуемых десятилетий, за исключением нескольких лет интенсивных военных действий.

Помимо статистической части, занимающей в работе сравнительно небольшое место, автор описывает механизм, объясняющий, по его предположению, влияние доходов на неравенство.

Ключевой частью этого механизма выступает индустриализация. По мнению Кузнеца, появление индустрии приводит к тому, что из бедного и характеризующегося сравнительно невысоким неравенством доходов аграрного сектора население начинает перебираться в более богатый индустриальный сектор, внутри которого доходы могут распределяться менее равномерно. Результатом начальной стадии этого переходного процесса, когда большинство населения продолжает быть занято в сравнительно бедном сельскохозяйственном секторе, но какая-то доля работников уже перебралась в более богатый город и занята в промышленности, как раз и становится рост неравенства. Однако когда основная часть работников оказывается в городе и лишь небольшая часть населения продолжает работать в сельском хозяйстве, неравенство, напротив, снижается.

Влияние политики на научные результаты

Работа Кузнеца стала одним из наиболее известных исследований о взаимосвязи экономического роста и неравенства, но с конца 1980-х годов, и в особенности в последние 15—20 лет, она подвергается критике.

По признанию самого Кузнеца, описанный им механизм представляет собой всего лишь гипотезу, для подтверждения которой требуется большой объем данных. Ведь данные, собранные автором, охватывают лишь несколько десятилетий и всего три экономики, и, таким образом, работа позволяет визуализировать только часть обратной U-образной кривой, отражающей возможную статистическую связь между экономическим ростом и неравенством в трех странах.

В работе отсутствуют данные, которые могли бы подтвердить высокий уровень равенства в этих трех экономиках в доиндустриальную эпоху. Также не приведены данные, позволяющие констатировать рост неравенства во время индустриализации. Большая часть публикации, как уже говорилось выше, содержит лишь рассуждения о том, как выглядит эволюция экономического роста и неравенства, а также предположения о механизме, связывающем неравенство и рост. Кроме того, свои выводы автор делает исходя из допущения, что именно рост влияет на неравенство, а не наоборот. Используя это допущение,

Кузнец, однако, не ссылается на какие-либо подтверждающие именно такое направление взаимосвязи ряды данных или отдельные исторические эпизоды. Исследования, проведенные более полувека спустя, не обнаруживают подтверждения того, что преиндустриальные общества характеризовались высоким равенством доходов. Например, в работе [Milanovic et al., 2007] авторы используют так называемые социальные таблицы, в которых всё население распределено по классам, а для каждого класса дана оценка его численности и среднего дохода. Большинство стран или регионов (от Римской империи до Китая конца XIX века), рассмотренных в указанной работе, характеризуется значительно более высоким неравенством доходов, чем современные общества. Такой результат вполне ожидаем: в феодальных обществах земля, основной «капитал» того времени, а иногда и сами крестьяне юридически принадлежали знати. Де-юре и де-факто политическая власть, опиравшаяся на военную силу и поддерживавшая такое распределение собственности, также находилась в руках знати. В этой ситуации переговорная позиция крестьянства была слаба, в то время как позиция феодалов, напротив, была достаточно сильной для того, чтобы получить крайне высокую долю в производимом продукте. Переговорные позиции крестьянства были настолько слабы, что их улучшение порой становилось результатом крайне неблагоприятных шоковых событий, таких, например, как резкое сокращение численности крестьян вследствие массовой гибели от эпидемии чумы. В целом же сравнение неравенства в доиндустриальном и индустриализованном обществах требует значительных научных усилий, которые в работе Кузнеця отсутствуют.

Кроме того, сам предложенный Кузнецом механизм, связывающий неравенство и рост, отражает лишь часть исторических процессов, повлиявших на уровень неравенства. Некоторые другие ключевые процессы данный механизм игнорирует. Конечно, в результате миграции из сельскохозяйственного сектора в индустриальный уровень дохода среднего рабочего увеличивается: в противном случае крестьяне бы не переселялись в город. Однако далее, в городе, распределение доходов работников также может изменяться, например в результате усиления их переговорных позиций. Последние могут меняться под влиянием тех или иных политических обстоятельств. Например, скоординированные усилия работников, направленные на увеличение своей доли в произведенном продукте, возможно, не менее важны для сокращения уровня неравенства, чем более интенсивная миграция рабочей силы в города. Рост зарплат работников, таким образом, может объясняться не только увеличением доходов в экономике в результате индустриализации, но и перераспределением доходов в самом индустриальном секторе под влиянием политических изменений.

Наиболее серьезная критика работы Кузнеця содержится в книге Томаса Пикетти [Piketty, 2014], о которой подробнее будет говориться во втором разделе настоящей статьи. Автор утверждает, что выбор пред-

ложенного Кузнецом экономического механизма, связывающего рост с неравенством, имеет не только научные, но и политические мотивы.

Пикетти пишет, что еще в 1953 году Кузнец, предполагая, что контекст полученной им зависимости может носить случайный, а не эволюционный характер, настаивал на исключении обобщающих интерпретаций до той поры, пока не будут проведены необходимые исследования, дополняющие его работу, то есть не будут собраны нужные для получения соответствующих результатов данные. Однако всего год спустя, во время доклада на собрании Американской экономической ассоциации Кузнец заявляет о своих результатах уже в другом контексте — в том самом, в каком они были представлены в его публикации 1955 года. В последней, помимо аккуратного статистического анализа, фиксирующего снижение неравенства и рост доходов в трех развитых странах, содержится большая описательная часть, предлагающая, без промежуточных стадий научного анализа, объяснение этих статистических результатов. В этой описательной части, как и во время своего выступления на собрании Американской экономической ассоциации в 1954 году, за год до публикации, автор уже говорит об универсальности процесса перехода от меньшего неравенства к большему на ранней стадии развития, а затем — на более зрелой стадии — обратно к меньшему неравенству. Поскольку результаты, полученные из анализа исторических данных для США, Великобритании и Германии, упоминались Кузнецом в качестве универсальных, в научной среде и в международных финансовых институтах, например во Всемирном банке, их стали считать распространяющимися и на развивающиеся страны.

По всей видимости, подобный переход от научной сдержанности в трактовке статистических результатов к интеллектуальным спекуляциям был мотивирован прежде всего политикой. Целью выступления Кузнецом на собрании Американской экономической ассоциации в 1954 году было содействие усилиям, направленным на удержание развивающихся стран в сфере влияния развитых капиталистических государств. Для этого необходимо было убедить правительства развивающихся стран в том, что механизм воздействия экономического роста на неравенство действительно существует и, более того, результатами действия этого механизма в долгосрочном периоде становятся одновременно и экономический рост, и снижение уровня неравенства. Развивающимся государствам следует лишь добиться более высоких устойчивых темпов экономического роста — и снижение неравенства через некоторое время произойдет автоматически. Таким образом, политические режимы в этих странах получают большую легитимность и станут более устойчивыми. Развитый мир будет готов помочь им добиться высоких темпов роста экономики, в том числе за счет экспертных и финансовых усилий Всемирного банка, приблизительно в те же годы переключившего свое внимание с послевоенного восстановления Западной Европы на помощь развивающимся странам.

Но быть может, несмотря на отсутствие соответствующего статистического анализа, Кузнец оказался прав? Возможно, более высокий уровень развития действительно автоматически приводит к сокращению уровня неравенства?

Тестирование теории Кузнеця

Теория Кузнеця тестировалась в течение нескольких десятилетий после публикации его статьи. Ниже упоминаются результаты работ, в которых проверялось существование как обратной U-образной кривой, связывающей неравенство доходов с экономическим ростом, так и предложенного Кузнецом механизма эволюции неравенства доходов. Результаты проверки существования обратной U-образной связи между неравенством доходов и экономическим ростом, а также предложенного Кузнецом механизма их связи находят лишь ограниченное подтверждение.

Один из главных аргументов против существования автоматического механизма снижения неравенства в результате роста экономики заключается в том, что довольно скудные данные, которые использовал Кузнец, приходились на периоды, насыщенные самыми разными шоками. Великая депрессия, мировые войны, высокие налоги, которые были установлены для финансирования военных расходов, — все эти процессы нанесли серьезный удар по владельцам капитала, уменьшив как их богатство, так и текущие доходы.

Как только эти факторы были нейтрализованы (так, высокие налоги на богатых были отменены Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональдом Рейганом в США), неравенство стало быстро расти и приближаться к уровням, сложившимся к началу Первой мировой войны. Это опровергает не только предложенный Кузнецом обратный U-образный вид связи между экономическим ростом и неравенством доходов, но и сам механизм связи этих двух явлений. Хотя контекст у статистической зависимости, обнаруженной Кузнецом, был, как уже говорилось выше, скорее шоковым, нежели эволюционным, это обстоятельство игнорировалось, а выводы Саймона Кузнеця не только тестировались на протяжении многих десятилетий, но и рассматривались в многочисленных теоретических и статистических работах как действительная закономерность, связывающая экономический рост и неравенство.

Ключевая проблема, с которой сталкивались исследователи, изучавшие связь между неравенством доходов и ростом экономики в первые годы после публикации работы Кузнеця, состояла в недостатке данных по развивающимся странам. С течением времени, однако, такая статистика стала появляться и возможности тестирования выводов работы Кузнеця увеличились.

В 1970-е годы уже было достаточно информации для проведения межстранового статистического анализа, основанного на перекрест-

ных данных. Соответствующие статистические работы подтвердили результат, полученный Кузнецом: действительно, бедные и богатые страны характеризовались меньшим неравенством, чем экономики со средним уровнем дохода. Однако, как подчеркивает Джон Гэллуп [Gallup, 2012], ни в одной из работ (например: Феликса Покера [Paukert, 1973], Монтека Ахлувалиа [Ahluwalia, 1976a; 1976b], Ашвани Саитха [Saith, 1983], Густава Папенека и Олдрича Кина [Papenek, Kyn, 1986], Фреда Кампано и Доминико Сальваторе [Campano, Salvatore 1988], Рати Рама [Ram, 1988], Франсуа Бургиньона и Кристиана Моррисона [Bourguignon, Morrison, 1990]) при этом не воспроизводился анализ самого Кузнецца, то есть не рассматривалась эволюция неравенства на исторических данных какой-либо страны.

Хотя в случае использования межстранового анализа рассуждения Кузнецца проверялись лишь косвенно, однако какое-то время многие экономисты были убеждены в верности выводов, сделанных в работе нобелевского лауреата. Его утверждения приняли за статистический факт, и длительное время теоретические и статистические работы ориентировались на обратный U-образный вид кривой, связывающей неравенство доходов и экономический рост. Например, в работе группы экономистов из Всемирного банка [Bussolo et al., 2007], в которой делается прогноз эволюции глобального неравенства до 2030 года, авторы используют предположение Кузнецца о миграции населения из сельскохозяйственного сектора в индустриальный и следующий из этого тезис об увеличении неравенства на начальных стадиях индустриализации и его сокращении на более поздних этапах.

Однако когда в 1990-х годах данных о неравенстве, в том числе исторических, стало намного больше, Клаус Дайнингер и Лин Сквайр [Deininger, Squire, 1996; 1998], собрав статистику об изменении коэффициента Джини в ряде экономик и получив межвременную зависимость между ростом и неравенством для значительного числа стран, пришли к выводу, что зависимость, полученная Кузнецом, чаще опровергается, чем подтверждается.

Используя данные Дайнингера и Сквайра [Deininger, Squire 1998], Мэтью Хиггинс и Джеффри Вильямсон [Higgins, Williamson, 1999], Андреас Саввидеса и Танасис Стенгос [Savvides, Stengos, 2000], а также Роберт Барро [Barro, 2000] тоже не нашли однозначного подтверждения выводов Кузнецца.

2. Томас Пикетти, «Капитал в XXI веке»

Томас Пикетти подробно критикует работу Кузнецца. Пикетти, потративший много лет на изучение эволюции неравенства доходов и капитала и собравший одну из самых больших баз данных по неравенству (за период с XVIII века до начала второго десятилетия XXI века), показывает отсутствие автоматического процесса снижения неравенства на зрелой стадии экономического развития.

В частности, автор демонстрирует обновленную кривую Кузнецца, в которой рассматриваемый период составляет сто лет, с 1910 по 2010 год. В соответствии с этой кривой доля верхнего доходного дециля в национальном доходе в США до 1955 года изменяется так же, как и в работе Кузнецца. Эта доля снижалась начиная с 1920-х годов вплоть до окончания Второй мировой войны, после чего произошла ее стабилизация, продолжавшаяся до начала 1980-х годов. Однако с 1980-х годов, когда началось проведение политики дерегулирования и приватизации, эта доля значительно возросла. Если принять во внимание также данные за XIX век, то кривая имеет форму не перевернутой U, а S, которую сначала уронили вперед, а затем зеркально отобразили относительно горизонтальной прямой: неравенство вначале было небольшим, поскольку в США приезжали иммигранты (как правило, со сравнительно небольшими состояниями) и их доходы определялись относительно однородным аграрным трудом; затем, на протяжении XIX века, неравенство росло, но начиная с 1920-х годов стало снижаться и до начала 1980-х годов оставалось на сравнительно низком уровне, после чего вновь стало увеличиваться.

Центральной переменной в книге Пикетти является капитал, который Кузнец, рассматривавший в своей работе неравенство доходов без учета доходов от капитала, оставил за пределами своего труда. Вместе с тем богатство (капитал), будучи распределенным более неравномерно, чем трудовой доход, и оказывая заметное влияние на общий уровень дохода домохозяйств, играет важную роль в формировании неравенства доходов.

В определение богатства Пикетти включает самые разные активы: землю, недвижимость, оборудование, финансовый капитал, интеллектуальную собственность и пр. Богатство, о котором пишет Пикетти, распределено еще менее равномерно, чем трудовой доход, однако эволюционирует похожим образом. В XIX веке в Великобритании и Франции, ведущих европейских метрополиях, наблюдался рост неравенства богатства, в том числе и благодаря доходам от капитала, полученным в колониях. Однако крупные шоковые события — мировые войны и Великая депрессия, — а также высокие налоги, которые устанавливались для финансирования гигантских госрасходов в военное время, существенно сократили неравенство в распределении капитала. Такое положение дел сохранялось до 1980-х годов, после чего уровень неравенства распределения богатства (капитала) вновь начинает стремительно увеличиваться. Таким образом, у Пикетти эволюция распределения богатства, полученная на данных трех крупнейших экономик Европы — Германии, Франции и Великобритании — в период с 1914 по 2010 год, имеет форму U-образной кривой: как и доходы, неравенство распределения богатства снижалось начиная с Первой мировой войны, стабилизировалось после окончания Второй мировой войны и стало увеличиваться незадолго до окончания «холодной войны».

Период консервации относительно низкого уровня неравенства распределения богатства, сложившийся к окончанию Второй мировой

войны и продлившийся до завершения восьмого десятилетия XX века, был, по мнению автора, обусловлен прежде всего высокими налогами на богатых в ряде развитых экономик. Кроме того, экономики европейских стран и Японии росли относительно быстро, в том числе за счет того, что перенимали технологии, созданные в США. Во время сравнительно быстрого экономического роста, темпы которого превышают доходность от владения капиталом (включающего у Пикетти не только оборудование, но и многие другие виды активов), доля ренты в национальном доходе становится сравнительно меньшей, а доля трудового дохода, напротив, относительно увеличивается, что приводит к снижению неравенства доходов. Однако когда уровень технологического развития в развитых европейских государствах и в Японии приблизился к уровню Соединенных Штатов, экономический рост в этих странах замедлился, доходность от капитала вновь стала относительно выше, а трудовой доход, напротив, начал увеличиваться сравнительно медленнее.

Относительно более высокий капитальный доход позволил его владельцам накопить больше богатства, которое, будучи сконцентрированным в руках сравнительно небольшой группы собственников, позволило им получить еще более высокий капитальный доход. Автор приводит примеры того, как большее состояние повышает уровень доходности от его вложения в портфель активов. Дело в том, что большее состояние позволяет нанять управленцев, знающих в деталях свойства самых разных активов, расположенных по всему миру, что помогает значительно увеличить уровень доходности от инвестиций. Домохозяйствам с меньшим уровнем богатства приходится пользоваться более стандартными финансовыми услугами и получать меньшую отдачу от своих вложений. Накопленный капитал передается, как и прежде, по наследству, однако стоит отметить, что хотя его концентрация сравнительно высока, она всё же меньше той, что была сто лет назад. Кроме того, теперь наиболее богатый дециль в значительной мере представлен профессионалами, в том числе топ-управленцами, чьи доходы в основном получены в виде компенсации за труд.

Таким образом, Пикетти, в отличие от Кузнецца, считает значительное неравенство интегральным свойством капитализма, а его снижение в период с начала Первой мировой войны и до конца 1970-х годов — результатом налоговой политики и шоковых событий, а не эволюции рыночной экономики.

По мнению Пикетти, рост богатства и доходов небольшой группы домохозяйств дает основания для тревоги: богатая верхушка даже в демократических развитых странах становится могущественнее, получая всё большие возможности для контроля как за экономическими, так и за политическими процессами. Эта ситуация, по мнению автора, должна быть исправлена: доходы богатых домохозяйств должны облагаться гораздо более высоким налогом, а страны должны координиро-

вать свои усилия по налогообложению богатых, с тем чтобы последние не смогли избежать налогообложения за счет вывода капитала.

3. Приложение для России

Эволюция неравенства в России в контексте работы Кузнецца

Публикация Саймона Кузнецца и книга Томаса Пикетти, как и подавляющее большинство работ, упомянутых в предыдущих разделах, имеют отношение к наиболее богатым странам.

Россия пока не только не является богатой страной, но и не входит в клуб сравнительно богатых стран — в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Однако Россия не относится и к бедным странам: по данным Всемирного банка, доход на душу населения в России по паритету покупательной способности в 2014 году составил более 23 тыс. долл.¹

Если воспринимать кривую Кузнецца как доказанную при помощи данных зависимость, то Россия — страна со средним доходом — должна находиться если не на самом пике неравенства, то где-то на том участке обратной U-образной кривой, где неравенство сравнительно велико.

Неравенство в России действительно выше, чем в большинстве наиболее богатых экономик, хотя и ниже, чем в подавляющем большинстве стран Латинской Америки, в том числе и таких близких к России по уровню душевого дохода, как Аргентина или Чили.

Неравенство доходов с учетом перераспределения, измеренное соответствующим индексом Джини для России, увеличивалось на протяжении всех 2000-х годов: значение индекса в 2001 году составляло 0,397, а в 2009 году — 0,422 (данные о неравенстве доходов в России взяты из: [Denisova, 2012]).

Неравенство трудового дохода без учета перераспределения, также измеренное при помощи индекса Джини, сначала сокращалось, но затем снова стало расти: значение индекса составляло 0,459 в 2006 году, 0,447 в 2007 году, затем неравенство доходов сократилось до 0,418 в 2009 году, впервые став меньше неравенства доходов с учетом перераспределения, указанного в предыдущем абзаце, но в 2011 году значение индекса Джини для неравенства доходов опять возросло — до 0,425.

Следует, однако, подчеркнуть, что в докладе, подготовленном Ириной Денисовой для ОЭСР (откуда были взяты значения индекса Джини для настоящей статьи), подчеркивается сравнительно невысокая надежность данных, при помощи которых рассчитывались значения индекса. Кроме того, рассмотренное в докладе десятилетие — слишком короткий период, чтобы можно было делать какие-либо

¹ <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>.

выводы относительно долгосрочной эволюции неравенства в России. Наконец, колебания значений индекса Джини внутри этого десятилетия не дают оснований для утверждения о существовании какого-либо тренда. Значение коэффициента Джини в течение прошлого десятилетия постоянно варьировалось, и это всего лишь позволяет предположить, что его значение для доходов с учетом перераспределения относительно высоко и в среднем превышает 0,4.

Поскольку Россия достигла среднего уровня доходов, то в соответствии с выводами Кузнеця дальнейший долгосрочный рост российской экономики, который возобновится после завершения периода стагнации и спада, должен на длительной временной дистанции сопровождаться снижением неравенства. Почти $\frac{3}{4}$ населения России живут в городах, а в соответствии с выводами Кузнеця падение неравенства происходит на той стадии экономического развития, когда большинство населения перебирается из деревни в город. Можно было бы ожидать, что в России за восстановлением долгосрочного роста экономики должен начаться и период сокращения неравенства доходов.

Однако проблема заключается в том, что российские города крайне неодинаковы по уровню жизни: многие из них после остановки производств советской эпохи так и не смогли выйти из локального экономического кризиса. В такой ситуации не имеет большого значения то, где живет большинство населения — в сельской местности или в городах, если ни там, ни там не хватает рабочих мест, а значительная часть тех, что существуют, либо малоэффективны и, следовательно, не дают достаточного дохода в целом, либо не приносят достаточного дохода именно работникам вследствие их слабой переговорной позиции в торге с работодателями за размер оплаты труда.

В контексте предположения Кузнеця о механизме влияния роста на неравенство сложившуюся ситуацию можно сравнить с прерванным процессом миграции из аграрного сектора в индустриальный: части населения повезло родиться в сравнительно благополучных, быстро развивающихся регионах или удалось туда перебраться, но значительная доля россиян, напротив, осталась жить в кризисных, неразвитых регионах. В результате, как указывается, в частности, в работе Натальи Зубаревич [Зубаревич, 2010. С. 19], уровень межрегионального неравенства остается высоким.

Отчасти решением проблемы неравенства может быть дальнейшая миграция в города и регионы с высоким темпом экономического роста. Однако миграция в России затруднена из-за жестких ограничений ликвидности: переезд связан со сравнительно крупными расходами, позволить себе которые значительная часть российских домохозяйств не может.

Кроме того, одна лишь миграция, по всей вероятности, не способна решить проблему неравенства: сложившиеся темпы роста экономик благополучных регионов недостаточны для трудоустройства всей избыточной рабочей силы, готовой уехать из кризисных регио-

нов. Устойчивый экономический рост должен быть или географически более равномерным, для чего необходимы инвестиции в менее благополучные регионы, или еще более высоким в быстрорастущих регионах, чтобы принимать большее число мигрантов из отсталых регионов России.

Однако самая большая проблема заключается в темпах роста российской экономики, которые в ближайшее время, вероятно, останутся отрицательными. Кроме того, сложно предсказать, как долго продлится период спада и стагнации. В некоторых странах эти периоды тянутся многие годы и даже десятилетия, результатом чего порой становится потеря этими странами своего статуса в мировой иерархии доходов. Например, Аргентина, одна из наиболее богатых стран первой трети XX века, из-за продолжительного сокращения темпов роста в итоге перешла в категорию стран со средним уровнем дохода. Если экономика России на длинной дистанции продолжит стагнировать или даже сокращаться, в то время как остальной мир в среднем продолжит свое развитие, нельзя исключать даже потерю Россией статуса страны со средним доходом. В такой ситуации неравенство имеет шансы сократиться, но не потому, что вчерашние бедные станут богатыми, а, напротив, потому что недавние богатые утратят свой статус.

Эволюция неравенства в России в контексте работы Пикетти

В контексте работы Томаса Пикетти перспективы неравенства в России состоят скорее в его увеличении, нежели в снижении. Причина этого заключается также в низких ожидаемых темпах экономического роста, хотя механизм влияния темпов роста на неравенство отличается от того, что предлагает в своей работе Кузнец. Для обсуждения вопроса о перспективах неравенства в российской экономике в контексте работы Пикетти необходимо сравнить темпы роста экономики с доходностью от владения капиталом.

Если бы темпы экономического роста были достаточно высокими (что в условиях отставания российской экономики от мировой технологической границы вполне вероятно), то трудовые доходы могли бы увеличиваться быстрее, чем накапливались личные состояния. Темпы роста богатства, включающего доход от любых активов, стали бы уступать в этом случае темпам роста трудовых доходов. Как следствие, неравенство по крайней мере не становилось бы выше.

Однако ввиду опасности сохранения низких средних темпов роста экономики стоит ожидать, что неравенство доходов, напротив, возрастет: трудовые доходы будут стагнировать, в то время как доходность от владения различной собственностью, включая недвижимость, финансовые активы, капитал, природные ресурсы и т.д., будет находиться на более высоком уровне. Большой размер капитала обеспечивает боль-

шую доходность, и его владелец может оплатить финансовые услуги, позволяющие сформировать хорошо диверсифицированный и более доходный финансовый портфель. В то же время менее состоятельным инвесторам доступен лишь стандартный портфель активов, а представителям среднего класса и бедным индивидам — банковский счет.

Что касается неравенства капитала, рассмотрение которого занимает центральное место в работе Пикетти, то в соответствии с Глобальным отчетом о неравенстве богатства (Global Wealth Report), который в течение нескольких последних лет публикует банк *Credit Suisse* [Credit Suisse, 2013], в 2013 году уровень неравенства распределения богатства в России стал самым высоким в мире, если не считать нескольких небольших государств карибского региона. Пикетти в своей книге указывает на ограниченную надежность этого отчета, однако сложно найти другие оценки неравенства капитала в российской экономике. В соответствии с Global Wealth Report в то время как в мире состояние миллиардеров составляет 1—2% от совокупного размера капитала домохозяйств, 110 миллиардеров, проживавших в России в 2013 году, контролируют 35% богатства национальной экономики. Число миллиардеров в России тоже рекордно высоко: если в мире один миллиардер приходится на каждые 170 млрд долл. богатства, то в России один миллиардер приходится на каждые 11 млрд долл. Одному проценту наиболее богатых граждан России принадлежит 71% капитала, а накопленное состояние 94% взрослого населения страны составляет менее 10 000 долл.

В соответствии с выводами Пикетти часть доходов от богатства, принадлежащего верхнему доходному перцентилю, будет инвестироваться, доходы и состояния таких индивидов продолжат возрастать, что при низких темпах экономического роста приведет к дальнейшему росту неравенства.

Следует также обратить внимание на крайне невысокий уровень состояния подавляющего большинства граждан России, на что указывается в Global Wealth Report.

Если у 94 из 100 взрослых граждан России размер накопленного богатства составляет менее 10 000 долл., и большая часть этого богатства состоит из активов, которые индивиды будут использовать скорее для получения услуг (таких, например, как проживание в собственной квартире), чем для конвертирования в более ликвидные формы богатства, например в банковский счет, то переговорные позиции с работодателем у 94 из 100 взрослых граждан России, и без того крайне невысокие, становятся еще хуже. Незначительный размер накопленного богатства, по всей вероятности малоликвидного, делает граждан России чрезмерно зависимыми от трудового дохода, выплачиваемого работодателем. Напротив, переговорные позиции работодателя становятся сравнительно выше: ведь в случае увольнения работник располагает слишком малым накопленным капиталом, а также ограниченными возможностями для займа из-за недостаточного развития финансового

рынка. Вследствие низких переговорных позиций работники соглашались на более низкую зарплату и на худшие условия труда.

Низкий уровень накопленного капитала у подавляющего большинства населения может быть еще одной причиной неравенства доходов — наравне с затруднениями, возникающими при миграции из депрессивных регионов в быстро развивающиеся, со сложностями с ведением предпринимательской деятельности как альтернативы наемному труду, с низким уровнем развития системы социального страхования и т. д.

Заключение

В 1955 году Саймон Кузнец опубликовал работу, в которой утверждалось, что связь между экономическим ростом и неравенством доходов имеет вид обратной U-образной кривой. Этот вывод повлиял на большое число исследователей, для которых взаимосвязь, указанная Кузнецом, стала критерием правильности собственных предположений или результатов. Однако провести тестирование тезиса Кузнеця было сложно: для этого нужно было проследить изменение уровня неравенства в экономике, сумевшей пройти путь от бедности к высокому уровню развития. Это в значительной мере удалось Томасу Пикетти, который смог проследить изменение уровня неравенства в нескольких развитых странах на гораздо более длительном, чем Кузнец, временном горизонте. Пикетти получил другую картину зависимости между экономическим ростом и неравенством доходов. В частности, вместо снижения уровня неравенства на стадии высокого уровня доходов в экономике Пикетти обнаружил обратный результат: рост уровня неравенства.

Автор «Капитала в XXI веке» опасается, что рост неравенства приведет к росту влияния богатых индивидов, которые могут использовать его для изменения политических и экономических институтов в свою пользу. Чтобы избежать такого результата, Пикетти предлагает налоговые меры, которые позволят замедлить рост неравенства.

Поскольку российская экономика в последние годы находится в состоянии стагнации, вполне возможно, что проблема увеличивающегося неравенства, о которой говорит Пикетти, будет для нее актуальной. Реакцией на увеличение уровня неравенства должна стать политика перераспределения. В какой именно форме следует проводить перераспределение доходов — тема для отдельного обсуждения.

Литература

1. *Зубаревич Н.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
2. *Ahluwalia M. S.* Income distribution and development: Some stylized facts // *American Economic Review.* 1976. Vol. 66. No 2. P. 128—135.

3. *Ahluwalia M. S.* Inequality, poverty and development // *Journal of Development Economics*. 1976. Vol. 6. No 3. P. 299–341.
4. *Barro R. J.* Inequality and growth in a panel of countries // *Journal of Economic Growth*. 2000. Vol. 5. No 1. P. 5–32.
5. *Bourguignon F., Morrison C.* Income distribution, development and foreign trade: a cross sectional analysis // *European Economic Review*. 1990. Vol. 34. No 6. P. 1113–1132.
6. *Bussolo M., De Hoyos R., Medvedev D., van der Mensbrugge D.* Global growth and distribution: Are China and India reshaping the world // *World Bank Policy Research Working Paper Series*. 2007. No 4392.
7. *Campano F., Salvatore D.* Economic development, income inequality and Kuznets' U-shaped hypothesis // *Journal of Policy Modeling*. 1988. Vol. 10. No 2. P. 265–280.
8. *Credit Suisse*. Global wealth report 2013: Thought leadership from Credit Suisse Research and the world's foremost experts. Global Suisse Research Institute, 2013.
9. *Deininger K., Squire L.* A new data set measuring income inequality // *World Bank Economic Review*. 1996. Vol. 10. No 3. P. 565–591.
10. *Deininger K., Squire L.* New ways of looking at old issues: inequality and growth // *Journal of Development Economics*. 1998. Vol. 57. No 2. P. 259–287.
11. *Denisova I.* Income distribution and poverty in Russia // *OECD Social, Employment and migration working papers*. 2012. No 132.
12. *Gallup J.* Is there a Kuznets curve? Department of Economics Working Paper. Portland, Oregon: Portland State University, 2012.
13. *Higgins M., Williamson J. G.* Explaining inequality the world round: cohort size, Kuznets curves and openness // *NBER Working Paper*. 1999. No 7224.
14. *Kuznets S.* Economic growth and income inequality // *American Economic Review*. 1955. Vol. 45. No 1. P. 1–28.
15. *Milanovic B., Lindert P., Williamson J. G.* Measuring ancient inequality // *World Bank Policy Research Working Paper*. No WPS 4412.
16. *Papenek G. F., Kyn O.* The effect on income distribution of development, the growth rate and economic strategy // *Journal of Development Economics*. 1986. Vol. 23. No 1. P. 55–65.
17. *Paukert F.* La répartition du revenu a différents niveaux de développement: quelques aspects concrets // *Revue Internationale du Travail*. 2007. Vol. 108. P. 103–134.
18. *Piketty T.* *Capital in the 21st century*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2014.
19. *Rajan R., Zingales L.* *Saving Capitalism from the Capitalists*. Princeton: Princeton University Press, 2004.
20. *Ram R.* Economic development and inequality. An overlooked regression constraint // *Economic Development and Cultural Change*. 1988. Vol. 43. No 2. P. 425–434.
21. *Saith A.* Development and distribution: a critique of the cross-country U-hypothesis // *Journal of Development Economics*. 1983. Vol. 13. No 3. P. 367–382.
22. *Savvides A., Stengos T.* Income inequality and economic development: evidence from the threshold regression model // *Economic Letters*. 2000. Vol. 69. No 2. P. 207–212.

Ekonomicheskaya Politika, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 27–42

Ivan LYUBIMOV, PhD in Economics. E-mail: lubimov@ranepa.ru.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(82, Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russian Federation).

Income Inequality Revisited 60 Years Later: Piketty vs Kuznets

Abstract

This paper compares two popular views on the evolution of income inequality. The one of Simon Kuznets, which was published in *American Economic Review* in 1955, considers

inequality as a byproduct of economic growth and suggests that a relatively rich economy should be also less unequal. On the contrary, Thomas Piketty shows that inequality is progressing, and an internationally coordinated policy is required in order to place inequality under control. We apply the arguments of Kuznets and Piketty to the problem of income inequality in modern Russia.

Key words: income inequality, economic growth, labor income, economic rents, CEOs.

JEL: D63, I24, O47.

References

1. Zubarevich N. *Russian regions: inequality, crisis, modernization*. Moscow: Nezavisimiy institut Socialnoy politiki, 2010.
2. Ahluwalia M. S. Income distribution and development: Some stylized facts. *American Economic Review*, 1976, vol. 66, no. 2, pp. 128-135.
3. Ahluwalia M. S. *Inequality, poverty and development*. *Journal of Development Economics*, 1976, vol. 6, no. 3, pp. 299-341.
4. Barro R. J. 2000. Inequality and growth in a panel of countries. *Journal of Economic Growth*, 2000, vol. 5, no. 1, pp. 5-32.
5. Bourguignon F., Morrison C. Income distribution, development and foreign trade: a cross sectional analysis. *European Economic Review*, 1990, vol. 34, no. 6, pp. 1113-1132.
6. Bussolo M., De Hoyos R., Medvedev D., van der Mensbrugge D. Global growth and distribution: are China and India reshaping the world. *World Bank Policy Research Working Paper Series*, 2007, no. 4392.
7. Campano F., Salvatore D. Economic development, income inequality and Kuznets' U-shaped hypothesis. *Journal of Policy Modeling*, 1988, vol. 10, no. 2, pp. 265-280.
8. Credit Suisse. *Global wealth report 2013: Thought leadership from Credit Suisse Research and the world's foremost experts*. Global Suisse Research Institute, 2013.
9. Deininger K., Squire L. A new data set measuring income inequality. *World Bank Economic Review*, 1996, vol. 10, no. 3, pp. 565-591.
10. Deininger K., Squire L. New ways of looking at old issues: inequality and growth. *Journal of Development Economics*, 1998, vol. 57, no. 2, pp. 259-287.
11. Denisova I. Income distribution and poverty in Russia. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 2012, no. 132.
12. Gallup J. *Is there a Kuznets curve?* Department of Economics Working Paper. Portland, Oregon: Portland State University, 2012.
13. Higgins M., Williamson J. G. Explaining inequality the world round: cohort size, Kuznets curves and openness. *NBER Working Paper*, 1999, no. 7224.
14. Kuznets S. Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, 1955, vol. 45, no. 1, pp. 1-28.
15. Milanovic B., Lindert P., Williamson J. G. Measuring ancient inequality. *World Bank Policy Research Working Paper*, no. WPS 4412.
16. Papenek G. F., Kyn O. The effect on income distribution of development, the growth rate and economic strategy. *Journal of Development Economics*, 1986, vol. 23, no. 1, pp. 55-65.
17. Paukert F. La répartition du revenu a différents niveaux de développement: quelques aspects concrets. *Revue Internationale du Travail*, 2007, vol. 108, pp. 103-134.
18. Piketty T. *Capital in the 21st century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014.
19. Rajan R., Zingales L. *Saving capitalism from the capitalists*. Princeton: Princeton University Press, 2004.
20. Ram R. Economic development and inequality. An overlooked regression constraint. *Economic Development and Cultural Change*, 1988, vol. 43, no. 2, pp. 425-434.
21. Saith A. Development and distribution: a critique of the cross-country U-hypothesis. *Journal of Development Economics*, 1983, vol. 13, no. 3, pp. 367-382.
22. Savvides A., Stengos T. Income inequality and economic development: evidence from the threshold regression model. *Economic Letters*, 2000, vol. 69, no. 2, pp. 207-212.